

базовых знаний, что затрудняло преподавание учебного модуля.

В целях преодоления возникшей проблемы в европейских вузах было принято решение разработать ядро установочных курсов, изучение которых было бы обязательным для всех студентов и обеспечивало бы методологическую, фундаментальную подготовку как гарант успешного изучения модулей по индивидуальному выбору (элективных). Содержание этих учебных курсов на протяжении десятка лет обновлялось, корректировалось, пока они не стали интегрирующей основой для всего многообразия элективных модулей и не нивелировали отличия между студентами, прошедших разные траектории обучения.

На уровне организации и методического обеспечения образовательного процесса основные требования Болонского процесса выражаются повышением удельного веса проектных образовательных технологий (доминирующим становится обучающе-исследовательский принцип, принятый Великой хартией университетов Европы), дистанционной сетевой педагогической поддержкой процесса обучения (консалтинг каждого студента по проблемам обучения, прохождения практики и т. д.), заменой этнокультурной полярности в преподавании учебного материала на поликультурную, т. е. обучением в контексте идеи диалога культур, эпох, приоритетностью формативного над суммативным контролем.

Данные требования стали ориентиром составления учебных планов и программ. Вместе с этим, в каждой из стран сохраняется национальный колорит в организации образовательного процесса, который проявляется в предпочтении той или иной формы методического сопровождения учебного процесса (кейс-технологии против аналитических дискуссий, выраженная рефлексопрактика и индивидуализация обучения против повышенной когнитивности и трансдисциплинарности и др.).

Анализ процессов модернизации высшего образования стран Европы в контексте Болонского процесса позволяет сделать вывод о диалектическом единстве унификации и диверсификации образовательных стандартов и программ, гибкой реализации требований Болонского процесса в зависимости от образовательных традиций той или иной страны. Такая гибкость, избирательность и диалектичность должна сохраняться и в модернизации отечественной системы высшей школы, которая стоит перед вызовом интеграции в Евразийское образовательное пространство.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВА

А.В. Колесников, С.Н. Сиренко

После хаоса девяностых очередным этапом социально-политического развития на постсоветском пространстве стала самоорганизация и интеграция на основе обновленных государственных образований. Частью этого самоорганизационного процесса является развивающееся глубокое партнерство Республики Беларусь и Российской Федерации. Интеграционные процессы, происходящие между нашими двумя государствами, естественны и исторически обусловлены. Наши народы принадлежат к одному цивилизационному типу и на протяжении своего исторического развития жили вместе.

Разумеется, реконструкция единого государства происходит не без проблем и трудностей. Созидать и обновлять всегда сложнее, чем разрушать. Одной из важнейших стратегических задач на этом пути является интеграция и модернизация единого

образовательного пространства двух наших стран. Необходимо определиться, как и, самое главное, на каких философских основаниях его строить? Следует ли позаимствовать западную систему образования или необходимо строить ее с учетом нашей цивилизационно-культурной специфичности? Указанные вопросы требуют разрешения в ближайшее время, поскольку они определяют стратегию построения единого образовательного пространства в исторической перспективе. Образование является важнейшим фактором развития общества и государства, поэтому актуальность этих вопросов трудно переоценить.

До недавнего времени в мировом сообществе превалировал мультикультурный оптимизм. То есть, казалось, что весь современный глобальный мир может быть выстроен примерно по единому образцу. Причем западная цивилизация однозначно считала и, в значительной степени, считает и теперь, что является стандартом и образцом для подражания для всего остального мира. В какой-то мере предполагалось, что стандарты эти объективно верные и поэтому не зависят от какой-либо национально-культурной специфики.

В последнее десятилетие стало очевидно, что мир устроен сложнее. В нем существуют различные цивилизационные уклады, и порой они трудно растворимы друг в друге. Даже в условиях современного глобального мира не происходит ожидавшейся ассимиляции всех прочих укладов в рамках системы западного типа.

При этом интеграция всей цивилизации в рамках глобального человечества – несомненное благо и естественный итог всей его исторической эволюции. В настоящее время на мощной технологической основе, заложенной предыдущими поколениями, происходит становление единого планетарного человечества. Однако в этом процессе ничьи достижения не могут быть признаны лучшими и единственно верными. Необходимо учиться друг у друга и впитывать все лучшее, что было создано представителями всех народов.

Во всяком социуме система образования существует не сама по себе. Она глубоко увязана с национальными традициями и историей того общества, в котором возникла и функционирует. Поэтому механический перенос одной системы организации образования в другую национально-культурную среду, скорее всего, обернется отрицательными последствиями. Следует, конечно, отметить, что система образования имеет определенную пластичность, инерцию. По этой причине различного рода новаций, механически переносимые из одной системы в другую, преломляются по-своему и видоизменяются. Это явление можно наблюдать в восточноевропейских постсоветских странах – Беларуси и России – в процессе продолжающегося уже значительное время болезненного реформирования образования и внедрения различных элементов Болонского процесса.

Вне всякого сомнения, во главу угла в процессе модернизации системы образования должно быть поставлено исторически выработанное, укорененное в национальной традиции понимание прогресса и блага. Вряд ли стоит ожидать каких-либо хороших результатов, если мы в Беларуси и России начнем ориентироваться на идеал «американской мечты». У нас существуют свои, гораздо более глубокие, установки и идеалы. Система этих идеалов и принципов формировалась столетиями и берет свое начало в древних основах славянского мировоззрения. В своем развитом виде основные черты этого мировоззрения нашли свое выражение в системе философских взглядов, собранных под совокупным названием русского космизма, или просто космизма.

Не существует какого-либо общепринятого перечня представителей и осново-

положников данной системы взглядов. Но, вместе с тем, черты мировоззрения космизма ясно опознаются в творчестве ряда мыслителей. Причем к космистам причисляют в равной степени и религиозных философов, и атеистических мыслителей. Например, один из самых ярких носителей традиций русского космизма – Иван Антонович Ефремов – был при этом убежденным коммунистом. Видными представителями и основоположниками космизма были В. Вернадский, К. Циолковский, А. Чижевский... среди белорусских философов – это Алексей Климентьевич Манеев, чье девяностолетие недавно отмечало научно-философское сообщество нашей республики.

Русский космизм представляет собой открытую систему взглядов, не налагающую жестких ограничений на различные аспекты мировоззрения. В этом его сила. В космизме задаются лишь базовые векторы, направления познания. Традиционным для философии космизма является вера в человека, в разум, трактовка человека, как космического существа, познающего и осваивающего вселенную. С наибольшим пафосом и глубиной этот космический порыв человечества был, вероятно, выражен в творчестве Циолковского – одного из основоположников космической философии и теоретической космонавтики.

Как это ни может показаться странным, но в рамках космизма совершенно непротиворечиво могут сосуществовать религиозное и научное мировоззрение. Объединяющим мотивом является именно вера в человека, в могущество разума, вера в прогресс и космическую миссию человечества. Характерной особенностью философии космизма выступает стремление к целостному познанию вселенной, к построению единой осмысленной картины мироздания в противовес собиранию разрозненных фактов, событий и их единичных объяснений.

В какой-то степени сегодня мы можем говорить о феномене русской синергетики. Синергетика в настоящее время, по сути, представляет собой развитие философской системы космизма. Понимание синергетики в научном сообществе России и Беларуси значительно отличается от существующего взгляда на нее, демонстрируемого, например, западными учеными. У нас синергетика, в какой-то мере, превратилась в философское направление, очевидно и тесно связанное с философией русского космизма, тогда как на Западе она понимается гораздо более узко – как в большей степени физическая дисциплина (хотя и там подчеркивается ее междисциплинарная и общенаучная значимость). В нашем же научном сообществе был сразу осознан тот факт, что синергетика, по существу, представляет собой возможную основу для построения целостной современной научной картины мира, органично сочетаемой с основными положениями и духом русского космизма.

Базовые установки философии космизма, обогащенные современным синергетическим пониманием мира, могут выступить продуктивной философской основой для интеграции и модернизации образовательного пространства нашего единого государства, в будущее которого так хочется верить. При этом речь идет об учении гораздо более богатом и разнообразном, нежели какая-либо ограниченная философская доктрина. Космизм не налагает каких-либо ограничений на свободу творчества, не указывает на какие-то конкретные принципы, – он лишь задает базовые ориентиры, и эти ориентиры нацелены на целостное познание, на наиболее полную и творческую самореализацию человека, на высокие моральные идеалы и критерии. В его рамках, как уже говорилось выше, вполне органично могли сосуществовать и русская религиозная философия, и диалектический материализм. В какой-то степени можно сказать, что суть космизма выражает глубинный, лучший и самый высокий мотив челове-